

УДК 1(075.8)

ДИСКУРС И КОММУНИКАЦИЯ В РАМКАХ КОНЦЕПЦИИ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Алексей Владимирович Зацепин

кандидат философских наук, доцент

za.alexey.2010@gmail.com

Российский государственный педагогический университет

им. А.И. Герцена

г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Автор статьи рассматривает дискурс и коммуникацию в рамках концепции древнегреческой философии, полагая при этом, что смена коммуникативной парадигмы породила множество философских споров внутри научных, социальных и философских сообществ. Благодаря социально-философскому анализу основ мысли в рамках концепции древнегреческой философии, можно сказать, что коммуникативная структура в своей многогранности и вариативности включает несколько основных элементов: язык-дискурс-речь, которые впоследствии преобразуются в подэлементы, такие как: текст, предложение, выражение.

Ключевые слова: дискурс, языковая коммуникация, древнегреческая философия, социально-философский анализ.

Во многом интерес к особенностям существования (бытийствования, *existere*) языковой коммуникации связан со сменой научной парадигмы, которая произошла в XX веке, так как она оказала влияние не только на социально-гуманитарную отрасль, но и на другие сферы – как минимум, на лингвистический, математический, духовный и политический пласты. Смена научной парадигмы в том числе связана и с “дискурсивным поворотом”, что, в свою очередь, породило новую волну постструктуралистских исследований в данной области знания.

На начальном этапе зарождения греческой мысли философы проявляли интерес к феномену языка, например, Аристотель относил разделы поэтики и риторики к технологическому знанию, подобно медицине [1]. Это значит, что словесность прежде всего направлена на технологию, то есть на деятельность во имя какой-то цели. Таким образом, техника связана скорее с преобразованием природы, что свойственно лишь человеку: «...техника — это реакция человека на природу или обстоятельства, в результате которой между природой, окружением, с одной стороны, и человеком — с другой, возникает некий посредник — сверхприрода, или новая природа, надстроенная над первичной. Подчеркиваю, техника — это отнюдь не действия, которые человек выполняет, чтобы удовлетворить потребности» [3].

Цель технических действий в «преобразовании обстоятельств, ведущих по возможности к значительному сокращению роли случая, уничтожению потребностей и усилий, с которыми связано их удовлетворение» [3]. То есть человек не рассматривает природу подобно животному (как средство удовлетворения потребностей), но скорее выделяет из неё нечто «сверхприродное», он приспособливает природу под свои нужды. Всё это связано с неудовлетворенностью миром и со стремлением к преобразованиям. Человек постоянно стремится быть [2].

Для представителя древнегреческой мысли в принципе довольно свойственно ассоциировать себя с чем-то большим, внешним, Абсолютным, безграничным – Космосом. Так, например, в рамках софистической мысли

осуществляется поворот в сторону человека. Эпистемологически весь философский анализ начинает быть направлен на человеческую сущность.

Из-за того, что эпистемологический переворот происходит в сторону человека, осуществляются и явные изменения в рамках языковой парадигмы. Греческие философы выступают новаторами и преобразователями обыденного языка, тем самым явно влияя на работу семантических неологизмов. Критический анализ на тот момент уже существующего языка был во многом связан с критикой мира “доксы”, основы существования непросвещенной толпы. Для представителя классической, в особенности досократической философии, момент “толпы” хоть и важен, но в тот же момент вызывает сомнения, так как несмотря на превалирующее представление о человеке как части чего-то общего, он все равно представляется выразителем и носителем чего-то индивидуального (позже это “Я” обозначат как экзистенцию). Соответственно, мнения большинства и представителя большинства обманчивы.

Интересен момент, что, например, Парменид описывал мир множества – по сути, той же массовости, сущностного многообразия как определенной иллюзии. Можно сказать, что в рамках своей теории Парменид отчасти предвосхитил теорию языковой относительности Сепира и Уорфа, а впоследствии и лингвистический идеализм, который отчасти приписывали Людвигу Витгенштейну. Однако преимущественно нам интересен немного иной момент.

В работах Парменида, также, как и впоследствии в трудах Гераклита, выражается концепция полярной мировой структуры в рамках чувственного мира, где множественность преобразовывается в двойственность-дуальность. Это пары противоположностей, которые являются прямыми продуктами субъективного восприятия – “доксы”. Двоичность мира – это следствие языковой ошибки. Например, если разбирать слово “Ночь”, то, во-первых, её можно признать реальной в рамках сущности, а во-вторых, определять в рамках негативного выражения как “отсутствие Света”. Парменид же против такой

дихотомии, потому что в таком случае утверждается положение, что нечто может получиться из Ничто и наоборот – уничтожиться в него же, что в корне противоречит положению Парменида в его поэме “О природе”. Соответственно, дискурсивно мы не можем приписывать одному и тому же термину различные значения, потому что в таком случае возникает противоречия в контексте коммуникативных практик.

В творчестве Гераклита все обстоит немного сложнее. Дело в том, что в контексте языковых практик Гераклита и использовании им обыденного языка применяются непривычные, неверные имена, которые утверждают в некоем образе иллюзорность “доксы”. Данное утверждение лучше всего рассмотреть через концепцию взаимоотношений противоположностей в творчестве Гераклита – имена, которые мыслитель использует, описывая реальный мир, относятся скорее к субъективным ощущениям, чья природа в сущности едина – огонь. Отсюда можно сказать, что язык Гераклита не может выражать собой естественность, а имена в таком случае соответствуют денотатам, так как таких денотатов в принципе нет. Однако это утверждение распространяется на ситуацию, в которой мы описываем взаимодействие отдельных имен и реальности, но не совместимые пары противоположностей таких как День-Ночь. В таком случае можно утверждать, что конвенционально описывать мир возможно только при условии, если две сущностные характеристики предмета будут едины – через взаимодействие противоположностей становится понятно, что значит слово, взятое в едином эквиваленте.

Впоследствии мыслителей преимущественно интересовали языковые практики, применительные к описанию бытия и связи с ним. Продолжая традицию Демокрита в рамках обсуждения вопросов о реальности пустоты, Аристотель в том числе задается вопросом, насколько релевантно употреблять в контексте предложений глагол “есть”, который в настоящее время активно используется в большей части романской группы языков: “Некоторые софисты считали, что в предложениях типа «Человек есть белый» глагол «есть» приводит к противоречивому сочетанию единства и множества в нераздельном

едином субъекте – белом человеке. Чтобы избежать этого противоречия и привести язык в согласие с реальностью, «некоторые, как Ликофрон, опускают глагол «быть», а другие преобразуют выражение и вместо «человек есть белый» говорят «человек обелен» ... Интересно, что употребляемый тут Аристотелем глагол собственно и означает «изменять форму, реформировать», иногда с коннотацией «исправлять» [4].

В особенности здесь интересует то, как Аристотель предпринимал попытки обозначения моральных качеств, которые в принципе не имели на тот момент качественного обозначения или наименования: “Теоретической основой для этого Аристотелю служит применение открытой им триадической концептуальной схемы: каждой добродетели как «середине» соответствуют два порока - порок чрезмерности и порок недостаточности. Аристотель именно «обнаруживает» эти неназванные качества, когда заменяет традиционную (то есть доксическую) бинарную систему «добродетель - порок» троичной, которая, по его мнению, соответствует природе. При этом Аристотель сознает себя «установителем имен», если не изобретающим, то совершенствующим обыденный язык” [4].

Завершая разговор о различии языковых характеристик, можно утверждать, что ментальность человека сильно зависит от исторического периода, в котором он живет, так как в зависимости от контекста формируется определенный тип воздействия и манипуляций на него.

Список литературы:

1. Зацепина Е. В. "Естество дружбы" в немецких и русских паремиях как возможность вербализации концепта "друг" // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2009. Т. 15, № 4. С. 133-136.
2. Зацепина Е. В. Переводческие тенденции в передаче семантики немецких паремий группы "Естество дружбы" на русский язык при их

функционировании в пьесах эпохи Романтизма // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 4(84). С. 275-277

3. Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды: Пер. с исп./ Сост., предисл. и общ. ред. А.М. Руткевича. М.: Издательство «Весь Мир» 1997. 704 с.

4. Лебедев А. В. Греческая философия как реформа языка // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2009. № 13. С. 359-368.

UDC 1(075.8)

DISCOURSE AND COMMUNICATION WITHIN THE FRAMEWORK OF THE CONCEPT OF ANCIENT GREEK PHILOSOPHY

Alexey V. Zatsepin

candidate of philosophical sciences, associate professor

za.alexey.2010@gmail.com

Herzen State Pedagogical University of Russia St. Petersburg

St. Petersburg, Russia

Abstract. The author of the article examines discourse and communication within the framework of the concept of ancient Greek philosophy, believing that the change in the communicative paradigm has generated many philosophical disputes within scientific, social and philosophical communities. Thanks to the socio-philosophical analysis of the foundations of thought within the concept of ancient Greek philosophy, we can say that the communicative structure in its versatility and variability includes several basic elements: language-discourse-speech, which are subsequently transformed into subelements such as text, sentence, and expression.

Keywords: discourse, language communication, ancient Greek philosophy, socio-philosophical analysis.

Статья поступила в редакцию 25.02.2026; одобрена после рецензирования 20.03.2026; принята к публикации 31.03.2026.

The article was submitted 25.02.2026; approved after reviewing 20.03.2026; accepted for publication 31.03.2026.